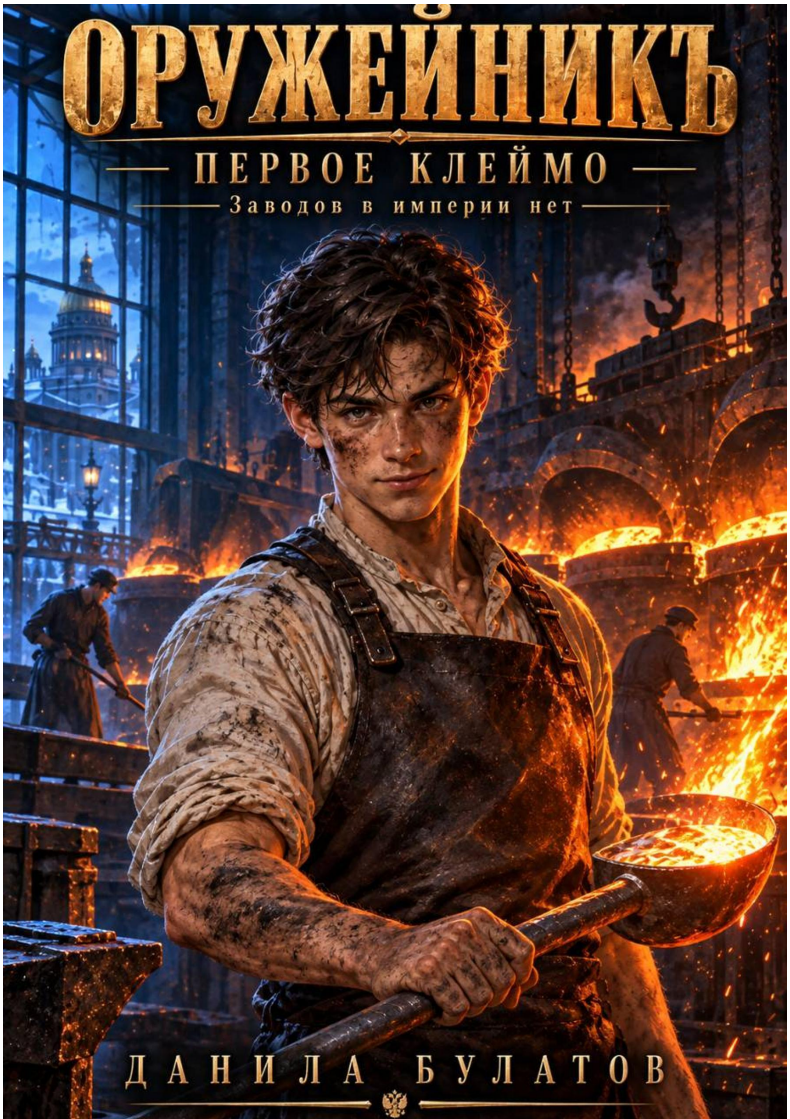

ОРУЖЕЙНИКЪ
ПЕРВОЕ КЛЕЙМО
Заводов в империи нет
ДАНИЛА БУЛАТОВ

Данила Булатов

Оружейникъ. Первое клеймо

Серия «Оружейникъ», книга 3

https://litres.ru/74789189
SelfPub; 2026

Аннотация

Я выиграл.

Минуты мерят по всей империи. Инструкция подписана. В казённой книге против моего клинка стоят четыре числа вместо двух, и под ними подпись поверщика Палаты.

А первый же наряд, выписанный по моей собственной мере, — триста клинков за год.

Я считал четыре раза. Работы на четыреста тридцать суток, сроку триста девяносто четыре дня. Мастера нанять нельзя: жар кладётся одной рукой, и всякая рука кладёт своё число. Подмастерьев можно ровно до тех пор, покуда никто не пожелает разобрать по слогам статью, писанную в тысяча шестьсот девяносто третьем году.

Такой наряд исполнит только завод.

Заводов в империи нет.

А ещё в столице есть человек, который за сорок шесть лет не ошибся в бумагах ни разу. У него лежит дело моего прадеда. И распоряжение за номером триста четырнадцать, от двадцать

первого марта тысяча восемьсот девяносто первого года, десять часов сорок минут утра.

Отец вышел из нумеров в девять.

Содержание

Глава 1. Тридцать дней 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Данила Булатов
Оружейникъ.
Первое клеймо

Глава 1. Тридцать дней

Тридцать дней я считал в уме и не делал ничего, и это оказалось самой тяжёлой работой за два года.

Второго сентября тысяча девятьсот первого года дело сто семнадцать дробь восемь выдали из архивной Палаты клейм члену присутствия, по его требованию, без расписки, потому что за такую выдачу расписки не берут.

Дело, выданное члену присутствия, возвращается в архивную в тридцатидневный срок.

Это я узнал четвёртого сентября, из печатного свода, в читальной Публичной библиотеки, и узнал в четвёртом часу дня, и с того часа у меня в голове шёл счёт.

Пятого сентября — двадцать семь дней.

Десятого — двадцать два.

Двадцатого числа мне исполнилось восемнадцать лет, и в тот день оставалось двенадцать.

Я в сентябре работал, и работал много, потому что иначе не умею ждать.

Я доделывал последний клинок того лета, двести восемьдесят семь при семи, и двадцать шестого сентября Дробыш поставил на нём пробу.

Я ходил в пробную мастерскую и чинил там мех, потому что мех был мой, ножной, выписанный в апреле под расписку, и отдавать его назад было жалко. Я написал Опарину два письма.

И каждое утро, просыпаясь в сенях у отставного фельдфебеля на Выборгской стороне, я первым делом говорил себе число.

Это очень глупое занятие. Я это понимал тогда и понимаю сейчас.

Через тридцать дней ничего не должно было случиться. Дело либо вернут, либо не вернут, и ни того, ни другого я ускорить не могу, и мой счёт на это не влияет никак.

Я всё равно считал.

Второго октября была среда, и в среду в архивной присутственные часы с десяти до двух.

Я пришёл в десять.

Дробыш сидел за своим столом в первом этаже, среди двадцати двух шкафов, в нарукавниках, и перед ним лежала раскрытая архивная книга, и он что-то писал в ней мелким ровным почерком.

Я встал у стола и молчал, потому что говорить было нечего.

Он дописал строку, посыпал песком, стряхнул песок в ко-

робку и поднял голову.

— Пётр Андреевич.

— Семён Платонович.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал Дробыш. — Садитесь, у меня нынче народу нет.

Я сел на стул у стены, на котором в марте сидел по два часа кряду, выписывая дело сто семнадцать дробь восемь целиком.

— Нынче второе октября, — сказал я.

— Нынче второе октября, — сказал Дробыш.

Он закрыл ту книгу, в которой писал, и отодвинул её, и достал из нижнего ящика другую, толще и в кожаном корешке, и это была архивная книга выдач.

— Срок по выдаче второго сентября истекает нынче в два часа пополудни, — сказал он. — Час истечения я считаю по концу присутственных часов, потому что иначе непонятно, с какой минуты считать.

— А до двух может прийти?

— Может, — сказал Дробыш.

Он положил книгу перед собой и больше её не открывал.

Мы просидели в архивной четыре часа.

Он работал. Он выдал три дела, принял обратно два, записал четыре требования, дважды ходил к шкафам и один раз спускался в подвал, где лежат дела старше тридцати лет.

Я сидел на стуле у стены и ничего не делал.

Он мне не мешал, не разговаривал и не утешал, и за это я

ему благодарен до сих. Один раз, около полудня, он поставил мне на подоконник стакан чаю и ушёл обратно к шкафам, не сказав ни слова.

В половине второго в архивную зашёл писарь из канцелярии, сдал дело по описи, расписался и ушёл.

Это было единственное движение в дверях за четыре часа.

В два часа Дробыш встал, закрыл присутствие, повернул ключ в дверях и вернулся к столу.

Он сел, открыл архивную книгу выдач на той странице, где стояла запись за второе сентября, обмакнул перо и написал.

Он писал полторы минуты, и я их отсчитал.

Потом он посыпал песком, стряхнул песок, подождал и развернул книгу ко мне.

Я прочёл.

Октября второго дня. Дело сто семнадцать дробь восемь за тысяча восемьсот пятьдесят девятый год, выданное сентября второго дня члену присутствия по требованию, в тридцатидневный срок в архивную не возвращено.

Поверщик Дробыш.

Три строки и подпись.

— Семён Платонович, — сказал я. — Вы обязаны были это написать?

— Обязан, — сказал Дробыш. — По архивному положению, при невозвращении в срок, заведующий архивною частью делает отметку в книге в тот же день.

— А если бы не написали?

Он посмотрел на меня поверх очков.

— А если бы не написал, то никто бы об этом не узнал, — сказал он. — Книгу мою поверяют раз в год, и поверяет её правитель дел, и он считает числа выданного и возвращённого, и сходится оно у меня тридцать один год.

Он закрыл книгу.

— В будущем году у меня не сойдётся одно дело. Я напишу объяснение, и в объяснении сошлюсь на эту отметку. И на том оно кончится.

Я вышел на Литейный во втором часу, то есть уже в третьем, и стоял на углу минут десять и соображал, что у меня теперь есть.

У меня было три строки в архивной книге.

Я два года воевал с Палатой и выиграл четыре заседания комиссии из четырёх, и получил опытный порядок на три года, и книгу в четыре графы, и предписание мерить минуты по всему отряду в Олонецкой губернии, и постановление присутствия второго сентября по всем пяти пунктам.

И пятым пунктом в том же постановлении стояло, что дело сто семнадцать дробь восемь пересмотру не подлежит.

А теперь у меня было три строки, написанные пятидесятишестилетним поверщиком в книге, которую смотрят раз в год.

Это единственная бумага в империи, которой подтверждается, что дело сто семнадцать дробь восемь после второ-

го сентября вообще существует.

Я тогда этого не знал. Я узнал это через два с половиной года, в апреле девятьсот четвёртого, и в тот день очень долго не мог ничего сказать.

Чагина я нашёл в тот же вечер в его нумере на Караванной.

Он жил в нумерах с марта, потому что в Петербурге ему жилья от ведомства не полагалось: он числился поверщиком Тульского отделения, командированным на срок написания инструкции.

У него на столе лежало восемьдесят с лишним листов, исписанных на треть, и четыре справочника, и два прибора — мой разобранный и его казённый, — и места для чая не было вовсе, и он сдвинул бумаги локтем.

— Я знаю, — сказал он, не дав мне открыть рта. — Дробыш прислал мне записку в три часа.

— Зачем он вам прислал?

— Затем, что я поверщик и у меня по этому делу своё заключение, — сказал Чагин. — И затем, Пётр Андреевич, что он понимает, с кем вы нынче вечером будете говорить, и хотел, чтобы я уже знал.

Он налил чаю.

— Теперь объясню вам, что произошло, и объясню как чиновник. Не как ваш знакомый.

— Объясните.

— Произошло очень мало, — сказал Чагин. — Отметка в

архивной книге есть отметка в архивной книге. Она не требование, не иск и не донесение. Она никого ни к чему не обязывает.

— Я так и думал.

— А теперь я скажу то, чего вы не думали, — сказал Чагин. — Она имеет дату.

Он снял очки и протёр их, как делает всегда, когда собирается говорить долго.

— В империи, Пётр Андреевич, бумаги спорят не содержанием, а порядком. Какая раньше. Я вам это говорил в Пежозере, когда писал форму книги на пароходе.

— Говорили.

— Отметка Дробыша стоит вторым октября, — сказал Чагин. — Что бы теперь ни написали по этому делу — объяснение, рапорт, определение, — оно будет позже. И всякий раз, когда это дело всплывёт, первым в нём будет лежать свидетельство о невозвращении.

Он надел очки.

— Вы два года искали, чем взять. Вы взяли датой.

Объяснение Мерцалова поступило в канцелярию Палаты второго октября.

В тот же день. До двух часов.

Я узнал об этом седьмого числа, от Дробыша, и текст он мне прочёл вслух из входящего реестра, потому что самого объяснения в архивной не было: оно легло в канцелярию.

Дело сто семнадцать дробь восемь за тысяча восемьсот

пятьдесят девятый год находится при материалах присутствия впредь до разрешения вопроса о сравнимости изделий, пробу прошедших прежде, с изделиями, поверенными по новой форме.

О возвращении дела в архивную будет сообщено по разрешении означенного вопроса.

Я переписал это себе и считал два дня.

Сосчитал вот что.

Вопрос о сравнимости изделий — это четвёртое возражение отзыва пятьдесят девятого года, то самое, которое Ренне называл сильнее трёх первых вместе. Ответ на него стоит на четырнадцатой странице проекта пятьдесят седьмого года и даёт двенадцатилетний срок.

То есть вопрос давно решён, и решён на бумаге, которую Мерцалов читал.

Но решён он проектом, который не введён в действие, а опытным порядком второго сентября его не касались вовсе. Значит, формально вопрос открыт.

И срока его разрешения не установлено ничем.

Я понял это на второй день и пошёл с этим к Юрьеву, и Юрьев принял меня на четверть часа, стоя, у окна в своём кабинете, потому что у него в тот день было присутствие.

Я изложил в три фразы.

Он выслушал, посмотрел в окно и сказал:

— Да.

— Что — да?

— Да, именно так и сделано, — сказал Юрьев. — Вам ни в чём не отказали. Отказ обжалуется. Вам назначили условие, и условие это выполнимо, и срок его не ограничен.

Он отошёл от окна.

— Мастер Кречетов, я двадцать шесть лет в Палате. Я вам скажу одну вещь и больше про это говорить не буду.

— Говорите.

— Это не сделано против вас лично, — сказал Юрьев. — Этим приёмом в ведомствах империи закрывается половина всего, что в них поступает, и закрывается без злого умысла, потому что иначе ведомство захлебнулось бы в первый же год.

Он сел за стол.

— Оттого с ним и нельзя воевать. Он не чей-то. Он общий.

Я стоял.

— Но у него есть слабое место, — сказал Юрьев. — Одно. Я им пользовался дважды за двадцать шесть лет, и оба раза это стоило мне дороже, чем выгода.

Он придвинул к себе бумаги.

— Я вам его не назову.

— Отчего?

— Оттого, Пётр Андреевич, что вам восемнадцать лет и вы его употребите нынче же, — сказал Юрьев. — А его употребляют один раз в жизни, и лучше тогда, когда на кону стоит не одно дело.

Он взялся за перо.
— Вы сами до него дойдёте. У вас на это есть три года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.